

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 1.091, 321.1

**Между империей и национальным государством —
современный контекст концепции К. Н. Леонтьева****Р. В. Светлов, А. А. Федоров*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Для цитирования: *Светлов Р. В., Федоров А. А.* Между империей и национальным государством — современный контекст концепции К. Н. Леонтьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 111–120.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.109>

В 1980-х годах историческая социология и философия обратились к теме империи, исходя из новых предпосылок. Империя перестала пониматься многими исследователями в качестве рудимента политической реальности прошлого. Ее начали трактовать как механизм преобразования хаоса в порядок, подключения цивилизационной периферии к «будущему», которое контролируется центром цивилизации. Метафора «вечного возвращения» стала популярным способом описания феномена империи. Вместе с тем такая трактовка империи несколько упрощает этот феномен, подгоняя его под реалии современного мира с его глобалистскими тенденциями и центрами силы (США, Евросоюз), которые эти тенденции обеспечивают. В то же самое время идея национального государства превратилась в инструмент разрушения империй другого, не-новременного, типа ради их подключения к порядку глобального будущего. Задолго до реалий Евросоюза К. Н. Леонтьев предсказывал, что национализм становится прологом к усреднению человека и его культуры. Вопреки «арифметическому равенству» западной цивилизации, государства «старого», доколониального имперского типа, одним из которых была и в некотором смысле остается Россия, могут предложить куда более разнообразный ландшафт со значительным числом, выражаясь современным языком, «экологических ниш» для сохранения культурной идентичности. Концепция государства имперского типа в русской философии была предметом весьма плодотворного исследования, причем это происходило значительно ранее современного «имперского разворота» в политической философии и исторической социологии. Воззрения К. Н. Леонтьева убедительно демонстрируют это. Мы полагаем, что наиболее

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет). <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>.

интересны и поучительны представления К. Н. Леонтьева о национальном государстве, а также предсказания его будущего.

Ключевые слова: концепт империи, национальное государство, философия политики, историческая социология, К. Леонтьев.

Обсуждение темы национального государства, национальной политики и национализма в России XIX столетия справедливо связывается с полемикой между «славянофилами» и «западниками» (хотя и не сводится к ней). Обе стороны апеллировали к теме национального, но каждая в собственном ключе: для «западников» национальное государство — естественная составляющая линии исторического прогресса, инструмент, который позволяет народу-нации войти во всемирную историю. Даже античный и средневековый мир в то время рассматривался сквозь призму народов-наций, которых, говоря строго, в древности еще не существовало. Квинтэссенцией этой позиции может быть фраза П. Б. Струве: «Я западник и потому — националист» [1, с. 74]. Для славянофилов же национальное было связано прежде всего с темой культурного и цивилизационного своеобразия, противопоставления России (или славянства) как культуры-нации-государства Западу как некой усредняющей все (в том числе и национальное начало) машины. Славянофильство, таким образом, хотя бы частично исходило из тех же теоретических позиций, что и западничество, что подтверждается общим влиянием на мыслителей второй четверти и середины XIX в. гегелевской модели философии истории, а также объясняет довольно странные прямые или косвенные переходы из одного лагеря в другой (в качестве примера можно взять эволюцию взглядов К. Д. Кавелина или А. И. Герцена). Именно эта непродуманность позволила К. Н. Леонтьеву назвать славянофильство «мечтательным и неясным» учением [2, с. 415; 3, с. 257–280], позитивным с точки зрения своих идеалов, но совершенно недееспособным, когда речь идет о прояснении реальных механизмов исторического процесса. «Цивилизационная» концепция Данилевского была Леонтьеву ближе, хотя он разрабатывал иную версию «цивилизационной» схематики, более сложную и неоднозначную.

В завершении статьи мы вернемся к некоторым идеям К. Н. Леонтьева прежде всего с точки зрения современных реалий сосуществования государств национальных и государств, сохраняющих черты наднационального, имперского типа. Сейчас же поговорим о феномене возвращения концепта империи в политическую философию и историческую социологию — как вполне актуального для нынешних реалий понятия. Если в течение определенного времени слово «империя» имело в науке либо архивно-исторический характер, либо, если этим словом обозначалось что-то современное, получало оценочный, причем скорее негативный смысл, то в 1980-х годах оно стало концептом, обретшим вполне определенное значение. В качестве «модельного» примера можно вспомнить книгу Майкла Дойла «Империи». Обсуждение этой книги и присутствующих в ней определений природы империи в контексте систем властных отношений задало — во многих аспектах — современную научную повестку в этой области. Дойл описывает империю в первую очередь в качестве «отношений, формальных или неформальных, в которых одно государство контролирует реальный политический суверенитет другого политического общества» [4, с. 45]. Другой вариант описания-определения выглядит так: империя — «политический контроль, осуществляемый одним государством (метро-

полей) над внутренней и внешней политикой другого государства (периферии) [4, с. 130]. Обратим внимание на роль «внутреннего» и «внешнего» (международного) в таком описании. Эти феномены действуют совсем не так, как предусматривалось классической Вестфальской системой, где они были достаточно «герметичны» друг в отношении друга. Внешнее и «чужое» для империи вовсе не является чем-то герметично закрытым от ее политической, экономической, культурной воли. Классическим примером современной империи в этом смысле являются США, трансграничная деятельность которых выступает не только в виде формирования целых регионов, состоящих из государств экономически, культурно, военно, политически зависимых от него, но и в деятельности международных компаний, различных негосударственных инструментов гражданского активизма, которые созвучны американской «мягкой силе».

Предшествующие модели империй исходили из колониальных «проектов» национальных по своей основе государств Европы времен модерна. Крушение колониальной системы привело к появлению различных форм «неоколониализма», однако ситуация XIX — начала XX столетий, когда западные страны занимали все пространства, где имелся дефицит силы противостояния этому колониальному «фронтиру», ушла из политических реалий. Наступила эпоха глобализации, точнее, борьбы нескольких «центров силы», претендующих на глобальное значение. Двумя основными ее акторами были США и СССР, в 1960–1970-х годах к ним присоединился Китай со своей геополитической интерпретацией претензий «Третьего мира». При этом все три «центра силы» апеллировали к праву народов на самоопределение и к реалиям национального государства как к чему-то само собой разумеющемуся.

Падение Берлинской стены разрушило эту конструкцию и сделало публично очевидными процессы глобализации, механизмы которых, впрочем, были заметны и ранее (свидетельством о чем является упомянутая выше работа М. Дойла). Разрушение структуры мировых политических сил, активно происходившее на международной арене в начале 1990-х годов, а также связей, формальных и неформальных, сопровождавшееся процессами глобализации, привело мир в состояние хаоса, которое до конца еще не проанализировано современными учеными. Речь идет и о новых волнах экстремизма, и о росте салафитского движения в его политических формах (что привело С. Хаттингтона к его тезису о неизбывном конфликте цивилизаций), и о таких прошедших незамеченными в России, но оказавших огромное влияние на геополитику, например, Черного континента событиях, как «Великая африканская война» (1998–2002).

В этой ситуации появляется «окно возможностей» для имперских проектов — явных или завуалированных. Идеалы глобализации продвигаются в хаотизированном мире, и если они принимаются отдельными акторами мирового процесса (или навязываются им), то доступ к будущему, которое преподносится в западном неолиберальном варианте, происходит у разных политических и общественных игроков из совершенно разного прошлого и настоящего. Этот процесс может приобрести разрушительный характер, а потому он требует гаранта своей реализации. Чтобы обеспечить перевод хаоса в порядок, нужна «сильная рука»: именно этим делом в 1990–2010-е годы были заняты США, опутанные сложной системой блоков и союзов. Североамериканские Штаты явились наиболее убедительным кейсом,

который вернул ряд ученых к тезису о том, что регулярное возрождение империи является чем-то естественным для истории.

Но обратим внимание, что позиция современных ученых акцентирует внимание на простой функции империи — привнесении «упорядоченного будущего» в хаос настоящего, цивилизации в пустошь варварства. Процесс этот связан с «расчетом издержек», совершаемым империями: положительное сальдо усилий определяется тем, на какой уровень модернизации поднялась поставленная от них в зависимость периферия. Периферия, оставшаяся варварской, не привыкла к порядку, требует постоянного принуждения; цивилизованная, напротив, приносит имперскому ядру экономические и неэкономические выгоды, но остается в подчинении лишь при условии постоянной реальности силы империи, необходимой для эффективной защиты последней общих экономических и символических ценностей [5].

Это означает, во-первых, что дискурс современной науки рассматривает империю в качестве Гоббсова суверена, требующего отдачи прав (в том числе прав на собственное видение будущего) ради «спасительного» порядка. Некоторые современные западные ученые так и оценивают роль Штатов в современном мире — как верховного суверена или, в более смягченной форме, по-гегелевски, — главного судьи в международном арбитраже. Во-вторых, порядок понимается как что-то рациональное, а потому универсальное, что вполне связано с идеями глобализма. Однако мы прекрасно понимаем, что формы нормативной рациональности меняются от эпохи к эпохе и то, что считалось разумным во времена Канта, далеко не является таковым в наше время. Привносимые же новым имперским гарантом глобализма нормы подаются как универсально-всеобщее, как такого рода итог развития человечества, который позволяет планировать будущее, бороться с несогласными в настоящем и осуждать прошлое. Несогласные в настоящем — это как бы продолжение того прошлого, что осуждается за несоответствие нормам настоящего. Ссылка на исторические условия, в которых высказывается какой-либо тезис, трактуемый «новой (глобальной) этикой» как нечто опрессивное, уже не действует — ибо в отличие от гегелевской модели истории новый глобализм выступает в качестве такого универсального начала, которое поглощает прошлое не как собственную предпосылку, но как предмет критики и, нередко, «этики отказа». Поколения прошлые оказываются перед судом поколения современного, а через последнее — и поколений будущего. Тотальность такой парадигмы вызывает целый ряд последствий, которые можно назвать угрозой нового тоталитаризма, возникающей в той части человеческой цивилизации, которая, по крайней мере риторически, последнее столетие боролась с разными видами тоталитарности.

Для новой этики нужен гарант нового типа — и США выступает «естественным» гарантом такого варианта глобализации, исполняя функции империи вполне в соответствии со смыслом, который вкладывает в данное понятие современная историческая социология. Во всяком случае, аналитическая история империй рассматривает их как образования, которые способны добиваться успеха через адаптацию к социальному, военному или технологическому контексту внутри и вокруг них [6]. Или задавать необходимый им контекст, добавим мы.

Такое толкование империи, возможно, в чем-то верное для государств, являющихся инструментами и гарантами современных форм «рационализации хаоса»,

т. е. глобализации, тем не менее упрощает и вульгаризирует описываемый феномен. Все «старые» империи, т. е. империи, существовавшие до эпохи колониальных держав европейских национальных государств или вопреки ей (Россия, Османская империя, Китай), имели значительно более сложную структуру подключения «периферий» к «современности», олицетворяемой центром. Мы бы даже сказали так: «не-колониальные» империи имели сложную структуру настоящего, представляли собой целый набор «хронотопов», которые не сводятся к реалиям «мультикультурности». Сходство технологий, даже политических и социальных, используемых в процессе политогенеза, не означает единства нравов и ценностей, классический пример тому — многие страны Арабского мира, чье технологическое развитие приближается к «топовым» значениям, но которые живут в аксиологической системе, радикально отличающихся от «глобальной» повестки.

Конечно, такое различие «хронотопов» отдельных составляющих империй было угрозой их существованию — в неблагоприятном экономическом и политическом контексте оно вызывало центробежные движения. Но история распада той же Римской империи, китайских имперских образований — Чжоу, Хань, Тан, или Османской империи показывает, что высвобождение местных хронотопов приводит к резкому росту энтропии, «лекарством» от которого чаще всего становится прямое или косвенное господство некоей новой «имперской» структуры. В конечном итоге существование таких образований в значительной мере зависит от нахождения баланса между «центром» и «периферией» (в терминологии Дойла), а мы бы сказали иначе — в балансе различных хронотопов той «цветущей сложности», которую представляет собой неколониальная империя эпохи развития.

Целый ряд черт, обозначенных К. Н. Леонтьевым в отношении российской цивилизации и государственности, как представляется, указывает именно на этот тип имперского общества, т. е. не национальный, а, следовательно, не-колониальный. Чтобы лучше понять то, насколько точны были его представления, скажем несколько слов о «национальных государствах» — не об их генезисе и природе (на эту тему написано предостаточно) [7], но о том, как они функционировали в прошлом и каково их нынешнее геополитическое значение.

Многим национальные державы представляются настолько «естественными» формами государственности, что предлагаются как единственно возможные в случае появления зон нового политогенеза — как это было, например, на развалинах Австро-Венгерской империи, а затем СССР. Часто полагали, что главной опасностью для их судьбы является «искус национальной эксклюзивности», которым переболела Европа в 1-й половине прошлого столетия. Если не допустить его возрождения — все будет прогрессивно-благополучно. Тем не менее пример России показывает, что это работает далеко не всегда, и без активного внешнего вмешательства (не обязательно военного, но непременно экономического и идеологического) «воссоздание» национальной государственности или ее формирование становится сомнительным проектом. Два «мира-империи», пришедшие, по модели Иммануила Валлерстайна, из прошлого в глобализующийся XX век, — Россия и Китай, относительно недавно по историческим масштабам пережили периоды практически полного распада государственности. В России это было время от Февральской революции до завершения Гражданской войны. В Китае время «полураспада» растянулось на более долгий период — от восстания «боксеров», практиче-

ски уничтожившего авторитет центральной власти, и логично последовавшего за ним свержения маньчжурской династии в 1911 г. до окончания гражданской войны в 1949 г. Оба «кейса» с точки зрения современных представлений о государственном строительстве должны были привести к развалу «старой» государственности и смене ее на какие-то формы национальных держав меньшего территориального масштаба. Маньчжоу-Го — пример того, как этот инструмент пытались использовать японцы. Почти 30-миллионное население «возрожденной» Маньчжурской империи оказалось вовлечено в активную индустриализацию; общество, строившееся на этой территории, ориентировалось на те нормы государственности, которые Япония как держава национальная переняла (со своеобразными интерпретациями) у Западного мира. Напомним, что для управления оккупированными территориями Китая в Нанкине было создано отдельное «Реформированное правительство Китайской республики». Однако «национальная государственность» Маньчжурии рухнула, как только стала валиться Японская империя, причем дело было здесь не только в силе советской армии, молниеносно разгромившей Квантунскую группировку противника. Не хватило чего-то важного, некоего элемента, без которого «национальность» не завязывается, — и Маньчжурия осталась в лоне китайской государственности

Национально-региональные образования активно формировались и во время Гражданской войны в России. Как в связи с «вакуумом власти» 1917–1918 гг., так и благодаря поддержке внешних сил. Однако центристские движения оказались сильнее и в конечном итоге перевесили центробежные.

Мы прекрасно помним ситуацию 1990-х годов в России, региональные «парады суверенитетов». Но и в этом случае «национальный» элемент сохранился в рамках «наднациональной» государственной структуры, а не отправился в самостоятельное политическое плавание.

Тренд национального строительства, как это видно из истории Европы, имеет свои «такты». Первый — эпоха формирования государств «полицейского» типа — был связан с просвещенными монархиями и монархами-воинами. Постоянные регулярные армии, начавшие формироваться в XVII столетии, вплоть до начала XIX возглавлялись — прямо или номинально — королями, выступавшими в качестве воителей. В символической форме не только Густав Адольф, Петр I, Карл XII, Фридрих Великий или Наполеон, но и Людовики XIV, XV и XVI, Александр I и даже императрицы — Мария Терезия и Екатерина Великая — становились своего рода рыцарями на сакральном «Божьем суде», которым являлись театры военных действий. Однако эпоха «больших войн» XVII — начала XIX в. в Европе, этой родине национальных государств, привела к неожиданному восприятию ее как единого целого. Но уже не в рамках былой «Священной Римской империи», а в качестве конфедерации или федерации.

Второй «такт» их истории начинается в XIX столетии. С одной стороны, «национальное» в это время обретает себя в Европе в качестве массовой, общепринятой культурной и политической идеологии. Насаждаемая просвещенными режимами идея становится основной для формирования политических партий («националистические» партии) и общественных и культурных движений — этих внешних проявлений формирующейся глубинной идентичности. С другой — начинается центристский процесс. Первым его проявлением был проект Наполеона,

потерпевший, правда, крах из-за столкновения с мировым торговым гегемоном (Британией — империей национально-колониального типа) и империей надэтнического типа (Россией). Далее были десятилетия мира, сменявшегося, впрочем, неожиданными для европейцев, но все более чудовищными войнами (от Крымской до II мировой). Но в течение этих полутора столетий в конечном итоге была реализована модель «Соединенных Штатов Европы», модель в которую не верили многие революционеры времен основания СССР, но которую мы видим на примере Евросоюза.

Евросоюз — это действительно модель «сильной конфедерации». С вероятным постепенным разрушением национальной идентичности ее составляющих (общий язык, философия, наука, технология, финансовая система, завоз мигрантов, мультикультурность). Регулярно вспыхивающему национальному сопротивлению сложно добиться распада ЕС, ведь отсутствие таможен оказывается крайне выгодно всем трем видам актуальным капитала — индустриальному, финансовому, когнитивному. Снятие таможен — не только отсутствие трансграничных препятствий, это и мультикультурность, разрушение семьи и половой идентичности: оно происходит и на границах государственных, и внутри современной западной субъективности.

Третьим тактом истории стало использование практики создания национальных государств как инструмента для развала стран ненововременного (не западного) типа. Такие государства, возникшие на развалинах «Варшавского Пакта» и СССР, обычно оказываются в «переходном периоде» (который может затянуться) на пути в «Соединенные Штаты» Европы. В случае стран Латинской Америки, Азии и Африки, возникших после разрушения колониальных империй, ситуация иная, но это отдельная тема, которую в данном случае мы затрагивать не станем.

Мы видим, что создание национального государства, особенно в современную эпоху, не является гарантией его безоблачного будущего. Хаотизация, принесенная глобализацией, сминающей традиционные границы, как мы уже писали, требует некоторого центра силы, гарантирующего существование таких новообразований. Национальное государство может в наше время сколь-либо благополучно существовать лишь в ситуации контроля и нормирующего воздействия со стороны сверх- и наднационального — и это очевидность, которая противоречит самой идеологии национальной державы, как она формировалась в XVII–XIX вв. Это приводит к новой череде конфликтов, в том числе с участием «старых» мест силы [8].

В связи с этим вернемся к К. Н. Леонтьеву, который прозорливо видел в национализме угрозу национально-культурному же своеобразию. [9, с. 354–355, 378–379; 10, с. 33–34]. В общем виде можно выделить следующие проблемы национального государства, на которых он обращал внимание. Национальное — это партикулярное начало, противоречащее вселенскости христианской веры. Национальная идея способна оторвать человека от идеи более высокого порядка — религиозной. Эта «партикулязация» сознания опирается на ценности «арифметического равенства» (если использовать выражение Платона), что приводит к ужасающей Леонтьева перспективе эгалитаризма, который, с его точки зрения, усредняет и банализирует человека. Точно такой же путь предстоит и нациям — как «субъектам» национальных государств. Именно поэтому, как мы отмечали выше, Леонтьев против «национализма» в славянофильстве.

Вопреки «арифметическому равенству», государства имперского типа могут предложить куда более разнообразный ландшафт со значительным числом, выражаясь современным языком, «экологических ниш» для сохранения своей культурной идентичности. Залогом этого в России, по мнению Леонтьева, являются «осколки византизма» — целый ряд инструментов и механизмов, выработанных в Византии и прижившихся на почве евразийской державы поздних Рюриковичей, а затем — Романовых. Среди них — монархия, причем имеющая очевидный авторитарный характер: как гарант взаимодополняющего разнообразия форм жизни. Сословность, по Леонтьеву, — не менее важная черта византизма и современной ему России. Разнообразие функциональных форм служения Целому (государству) и соответствующая тому форма социального (сословного) закрепления, символическая и реальная — важный инструмент поддержания «цветущей сложности» и управления ею. Разрушение сословной структуры общества, произошедшее в национальных государствах Запада, стало истоком современного Леонтьеву «усреднения». Православие служит не меньшим основанием для российской цивилизации — причем, несмотря на свой статус доминирующей и наиболее поддерживаемой государством религии/конфессии, оно не выступило причиной исчезновения религиозного и культурного разнообразия. Не будем касаться этой, довольно деликатной, стороны воззрений Леонтьева, но следует отметить, что опыт Высокой Порты, на который он неоднократно ссылался, был им все-таки прочитан через опыт России Александров II и III, а не наоборот. И культурно-религиозная автономия трактовалась Леонтьевым именно с точки зрения этого опыта. Россия чаемая (правда, Леонтьев опасался, уже во многом уходящая в прошлое) носит в его воззрениях характер соборного сообщества, где верховная власть является и незыблемым авторитетом, и частью общего соборного «хора».

Можно по-разному относиться к философско-историческим и философско-политическим взглядам К. Леонтьева, к его парадоксализму и эпатажно-охранительному консерватизму. Многие из его идей едва ли будут симпатичны современному человеку — особенно если он вообразит их внедренными в его повседневную жизнь. Однако эта охранительная ретроутилитарная антиэгалитаристская концепция, сложная и неоднозначная, тем не менее выражает ряд существенных черт неколонизальных и ненациональных империй, радикально отличающихся от современного типа имперского глобализма. Тех империй, которые, возможно, обретают голос в нынешнем неустойчивом состоянии перестройки системы международных отношений, происходящей во всемирном масштабе.

Литература

1. Струве, П. Б. (1997), *Patriotica: Политика, культура, религия социализма*, сост. Жуков, В. Н. и Поляков, А. П.; вступ. ст. и примеч. Жуков, В. Н., М.: Республика.
2. Соловьев, Вл. (1988), Статьи из энциклопедического словаря. Леонтьев, в: Соловьев, Вл. *Соч.: в 2 т*, т. 2., М.: Мысль, с. 414–418.
3. Фудель, И. (1895), Культурный идеал К. Н. Леонтьева, *Русское обозрение*, № 1, с. 257–280.
4. Doyle, M. (1986), *Empires*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Münkler, H. (2007), *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, trans. by Camiller, P., Cambridge: Polity.
6. Morris, I. and Scheidel, W. (eds) (2009), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*, Oxford: Oxford University Press.

7. Karatani, K. (2014), *The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange*, Duke University Press.

8. Светлов, Р. В. и Федоров, А. А. (2023), Эволюция российской государственности в контексте формационных взглядов на структуру мировой истории, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 39, вып. 1, с. 57–67. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.105>

9. Леонтьев, К. П. (1996), *Восток, Россия и Славянство*, М.: Республика.

10. Леонтьев, К. П. (2010), *Славянофильство и грядущие судьбы России*, М.: Институт русской цивилизации.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 29 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Светлов Роман Викторович — д-р филос. наук, проф.; rsvetlov@kantiana.ru

Федоров Александр Александрович — д-р филос. наук, проф.; alafedorov@kantiana.ru

Between Empire and National State — the Modern Context of K. Leontiev's Concept*

R. V. Svetlov, A. A. Fedorov

Immanuel Kant Baltic Federal University,

4, ul. Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russian Federation

For citation: Svetlov R. V., Fedorov A. A. Between Empire and National State — the Modern Context of K. Leontiev's Concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 1, pp. 111–120. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.109> (In Russian)

In the 1980s, Historical Sociology and Philosophy turned to the subject of Empire, based on new premises. The Empire is no longer understood by many researchers as a vestige of the political reality of the past. They began to interpret it as a mechanism for transforming chaos into order, connecting the civilizational periphery to the 'future', which is controlled by the center of civilization. The metaphor of the 'eternal return' became a popular way of describing the phenomenon of Empire. At the same time, this interpretation of Empire somewhat simplifies this phenomenon, adjusting it to the realities of the modern world with its globalist tendencies and centers of power (the U.S.A., the European Union), which provide these tendencies. At the same time, the idea of the nation-state has become an instrument for destruction of empires of a different, non-modern type, in order to integrate them into the order of the global future. Long before the realities of the European Union, K. Leontiev predicted that nationalism would become a prologue to the homogenization of human beings and their culture. Contrary to the 'arithmetic equality' of Western civilization, states of the 'old', pre-colonial imperial type, one of which Russia used to be and remains, in a sense, can offer a much more diverse landscape with a significant number of, in modern terms, 'ecological niches' for securing cultural identity. In Russian philosophy, the concept of an imperial-type state was the subject of very fruitful research, and this happened much earlier than the contemporary 'imperial turn' in Political Philosophy and Historical Sociology. The ideas of K. Leontiev convincingly demonstrate this. We believe that the most instructive are K. Leontiev's ideas about the national state, as well as predictions of its future.

Keywords: Concept of Empire, nation-state, Political Philosophy, Historical Sociology, K. Leontiev.

* The research was carried out thanks to funding of Russian Science Foundation (project no. 21-18-00153, St. Petersburg State University). <https://rscf.ru/project/21-18-00153/>.

References

1. Struve, P. B. (1997), *Patriotica: Politics, culture, religion of socialism*, comp. by Zhukov, V. N. and Poliakov, A. P., foreword and notes by Zhukov, V. N., Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
2. Solov'ev, V. S. (1988), Articles from the encyclopedic dictionary. Leontyev, in: Solov'ev, V. S., *Collected writings: in 2 vols.*, vol. 2, Moscow: Mysl' Publ., pp. 414–418. (In Russian).
3. Fudel', I. (1895), Cultural ideal of ideal K. N. Leont'ev, *Russkoe obozrenie*, no. 1, pp. 257–280. (In Russian)
4. Doyle, M. (1986), *Empires*, Ithaca: Cornell University Press.
5. Münkler, H. (2007), *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, trans. by Camiller, P., Cambridge: Polity.
6. Morris, I. and Scheidel, W. (eds) (2009), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*, Oxford: Oxford University Press.
7. Karatani, K. (2014), *The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange*, Duke University Press.
8. Svetlov, R. and Fedorov, A. (2023), The evolution of the Russian state in the context of formational views on the structure of the world history, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 39, iss. 1, pp. 57–67. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.105> (In Russian)
9. Leont'ev, K. P. (1996), *East, Russia and Slavianolatria*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
10. Leont'ev, K. P. (2010), *Slavianolatria and future destinies of Russia*, Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ. (In Russian)

Received: September 10, 2023

Accepted: November 29, 2023

Authors' information:

Roman V. Svetlov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; rsvetlov@kantiana.ru

Alexander A. Fedorov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; alafedorov@kantiana.ru